

Максим
Стрежн~~ый~~

Главный
ИНСТИНКТ

Максим Стрежний
Главный инстинкт (сборник)

«Геликон Плюс»

2015

УДК 82.32.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Стрежний М.

Главный инстинкт (сборник) / М. Стрежний — «Геликон Плюс»,
2015

ISBN 978-5-00098-021-7

Фантастическая повесть «Главный инстинкт» задает парадоксальные и провокационные вопросы: завершена ли эволюция человека? Возможно ли идеальное общество без изменения природы человека? Обустроенный 22-й век, научная экспедиция на далекой планете, где героев мучают те же проблемы, что и наших современников. Но неожиданное открытие резко меняет все нормы и правила. Рассказы весьма разнообразны: от мистического триллера до юмористической истории. Но их объединяет вера в человека, в силу его светлых сторон, в необходимость деятельной и доброй – пусть и непростой – жизни.

УДК 82.32.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-021-7

© Стрежний М., 2015

© Геликон Плюс, 2015

Содержание

Главный инстинкт	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Максим Стрежный

Главный инстинкт (сборник)

© Стрежный М., текст, 2015.

© «Геликон Плюс», макет, 2015.

* * *

ГЛАВНЫЙ ИНСТИНКТ

Повесть

Спасибо родителям за терпение.

*Спасибо всем, кто помогал.
С любовью пишу ваши имена:
Наталья и Александр З.
Евгений К.
Светлана М.*

*Отдельное спасибо Наталье Д.
Наташа, без вашего участия во мне этот текст никогда бы не был
написан.*

*Если рядом с тобой кто-нибудь умирает, ты этого не чувствуешь.
В этом несчастье мира. Сострадание – это не боль.
Эрих Мария Ремарк. «Возлюби ближнего своего»*

1

Хомяк целил в складной столик. В самую его десятку – в стакан с апельсиновым соком. Несколько не слишком решительных попыток, с плавным набором высоты и аккуратным облетом объекта, были явно пробными заходами, а вот теперь он шел на цель со стремительностью хищной птицы. Траектория, по которой он двигался, неминуемо пересекалась с высоким запотевшим стаканом, и уже некоторое время присматривавшаяся ко всем этим хомяковым упражнениям доктор Арцимович поджалась, предчувствуя на теле ледяные брызги.

Однако в самом конце пике, за какие-то пару сантиметров, хомяк свечкой взмыл кверху, кувыркнулся (в шерсти вспыхнули рыжие искры заходящего солнца), выполнил еще два-три рискованных пируэта и оказался вдруг на голой ноге доктора.

Арцимович даже не успела второй раз испугаться. Да и пугаться было уже нечего. Только что метавшаяся над поляной коричневая молния благополучно рассеялась. Хомяк был теперь добрый и пушистый, как знакомая с детства плюшевая игрушка. Он осторожно потрогал лапкой колено доктора, остался им доволен и аккуратными шажками двинулся вверх по длинному полному бедру. Прикосновения мягких подушечек на его лапах напоминали доктору кота, который у нее когда-то был, а скользящий по телу пушистый хвост будил ощущения несколько иного характера. Эти вторые ощущения Арцимович предпочла проигнорировать.

Хомяк тем временем миновал узкую полоску ткани – ни разу на нее не наступив, прошагал по спортивному животу и остановился, оценивая размеры возникшего перед ним препятствия. Он медленно, будто потягиваясь, развернул крылья, но потом, видимо, передумав, вновь сложил их и уселся. Зажмурился и пристроил голову способом, который лет пятнадцать назад Арцимович ни за что бы не позволила даже знакомому с детства плюшевому мишке.

Пахло от хомяка на удивление приятно. Чем-то горьковатым, похожим на пачули. Доктор потянула руку – почесать хомяка за ушком. Но на треугольной трехцветной кошачьей мордочке с белыми отметинами на щеках тут же распахнулись совершенно не кошачьи блестящие глазки и уставились на нее спокойным внимательным взглядом. Глазки были черные. И впрямь медвежонок. Доктор все-таки осторожно провела кончиками пальцев по пушистому загривку,

надеясь, что не слишком нарушает принятый у хомяков этикет. К ласке хомяк остался равнодушен. Арцимович повторила жест с тем же результатом, вздохнула и взяла со столика раскрытую книгу.

Она успела пробежать глазами пару страниц, когда на разворот книги легла тень. И сразу же за изголовьем ее шезлонга с тщательной деликатностью покашлиали.

– О, дорогой старпом! – сказала Арцимович, салютуя книгой в направлении звука, – вас можно узнать даже не видя – по ауре дисциплины, которую вы распространяете далеко за пределы своей физической сущности.

– Увидев вас в столь пикантной ситуации, и не одну, я, право, поначалу хотел было удалиться, но дело мое столь безотлагательно, что мне просто не оставалось иного выхода, кроме как нарушить ваше уединение. И поскольку постучаться мне было решительно не во что, пришлось обозначить свое присутствие иным... – в речи у старпома Шафранова, которую он произносил, проявляясь в поле зрения доктора по частям – черный рукав кителя, козырек фуражки, серебряный погон, – возникла заминка.

– Способом, – заключил он, но было поздно. Финал оказался уже не тем.

– Bravo, старпом! Судя по тому, что вы извели на меня свой полугодовой запас изысканности, ближайшие шесть месяцев нам предстоит общаться знаками. Вы ведь не станете употреблять в разговоре с дамой более привычный вам флотский язык?

Шафранов молчал. Арцимович понимала, что тираду свою он готовил заранее, еще только подходя к пляжу, может быть, даже специально останавливался, чтобы подумать. Сдаваться, однако, старпом не собирался.

– Честное слово, товарищ доктор, – сказал он, – я готов использовать любой язык, лишь бы вернуть вас к исполнению обязанностей.

Доктор посмотрела на него с восхищением.

– Вы демонстрируете значительные успехи, старпом!

«Но весовые категории у нас с вами совершенно разные», – добавила она про себя.

Она перекатилась на бок, чтобы положить на столик книгу. Хомяк плюхнулся на шезлонг и недовольно затряс мохнатой мордочкой. Доктор чуть изогнула ногу. Серые глаза старпома, не отрывавшиеся от лица Арцимович, были непроницаемы. В них была сталь, в них был устав, в них был долг. Старпом хранил молчание.

– Не столь, впрочем, значительные успехи, для того чтобы пускать вас в места, не тронутые цивилизацией. Под вашим взглядом трава жухнет. Вы тут всю экосистему загубите. А вы посмотрите, какая она здесь замечательная! – доктор повернула голову.

Местность и вправду была хороша. В густых волнах широкой тихой реки дрожала алая дорожка отходящего на покой солнца. Река несла свои воды к полоске леса, в который превращалась окаймляющая пляж золотистая роща, а потом вокруг леса, а потом в какую-то неведомую, раскинувшуюся под прозрачным небом осеннюю бесконечность. Бесконечность, как точно знал старпом, заканчивалась десятком километров ниже, у озера, в техзоне, где располагались основные силовые установки ученых.

– А эта замечательная рощица, – продолжала Арцимович, – вы где-нибудь еще видели елки с золотистой хвоей? – доктор чуть шевельнула бедром. Она говорила еще, очень изящно – что-то о художественном ансамбле, могущем послужить утешением для самого притязательного художника, о грибах, непременно прячущихся под этими соснами, о романтике и чувстве, но, уловив ее движение, старпом от рощицы все-таки отвлекся.

– Хомяки, видимо, большие поэты, раз инстинкт направляет их к таким местам... А куда влекут вас ваши инстинкты, дорогой старпом?

Шафранов мгновенно перебросил взгляд на лицо доктора и осознал, что она, скосив глаза, за ним наблюдает. Многоэтажная конструкция «она поняла, что я понял, что она

поняла...» воздвиглась над старпомом, нависла всей тяжестью, покачнулась и с жутким треском обрушилась, хороня его в обломках.

Губы Арцимович дрогнули, она откинулась и с видом вполне насытившейся на сегодня тигрицы потянулась.

Шафранов погибал. Он медленно наливался краской, изо всех сил пытаясь этому противиться, и от своих усилий краснел еще больше.

«Инстинкты, дорогой старпом, дремучие инстинкты. Мы старательно прячем их за нашим воспитанием и формой, но стоит только на миг ослабить хватку, как они тут же рвутся наружу – дикие, властные, не желающие ничего понимать... Скрытая в нас природа, старпом... Запоминайте, а лучше записывайте...»

Доктор взяла книгу.

«Станислав Лем», – механически прочел на обложке старпом.

– Вы читаете бумажные книги, – сказал он. Вполне себе ровным голосом. Он признавал поражение.

– Да, старпом. Меня влечет архаика, – сказала доктор и рассмеялась. Вполне себе добродушно. Никакая она была не тигрица. – Простите меня, Алексей. Все от этой дикой осенней скуки... Четвертый месяц осени... Так что там стряслось? Научники вдруг заторопились?

– Да, днями стартует мини-серия. За вами освидетельствование пусковых смен.

– Увлекательнейшие наблюдения за акробатическими этюдами хомяка уступают место унылой сертификации желудочков и предсердий...

Арцимович вздохнула.

Она поднялась и, отряхнув с подошв соринки, сунула ноги в темно-розовые сабо. Накинула форменный халат, тронула панель столика. Они с Шафрановым стали ждать, пока свернется кемпинг. Вновь лишившийся приюта хомяк прыгнул в воздух и заметался над поляной.

Когда последняя направляющая шезлонга втянулась, Шафранов наклонился, подхватил образовавшийся пакет и вопросительно посмотрел на доктора.

– Идемте, старпом, – сказала она.

Хомяк отправился вслед за ними, по пути атакуя в знакомой доктору манере редкие букетики каких-то местных злаков. Физически флора не страдала от нападений хомяка, но ее желтый цвет и уныло опущенные стебли свидетельствовали о психологической действительности его усилий. Хомяк почему-то все время выбирал ближайший к людям пучок зелени. Набрав высоту после пикирования, он начинал биться, словно подстреленный спрятавшимся где-то охотником, потом его полет выправлялся, и он уходил далеко вперед, почти исчезая из виду. И вновь возникал рядом с людьми, неожиданно выныривая из-за плеч или проносясь очень низко над головой, обдавая порывом разорванного крыльями воздуха.

– А как называется вот это? – спросила Арцимович, показав рукой туда, где только что пролетела пушистая фигурка.

– Это называется многократная восходящая правовинтовая бочка.

Они шли прямо по степи. Доктор обнаружила пляж совсем недавно во время вечерней пробежки, и тропинка еще не образовалась. Арцимович видела, как изо всех сил старается выглядеть непринужденным обутой в тяжелые армейские ботинки Шафранов и как не слишком хорошо у него это получается. С осторожностью ступавший меж кочек Шафранов отмечал, сколь легка и грациозна Арцимович, даже в своих сабо вышагивавшая, точно по ковровой дорожке на министерском приеме. Еще ее легко было представить на подиуме или... Шафранов оборвал мысль. Он мужественно игнорировал вырезы ее халата, располагавшиеся чересчур высоко – Арцимович была значительно выше ростом.

Они прошли мимо куста, до сих пор украшенного зеленоватыми треугольными цветками. Потом мимо куста, поросшего вьюном с жесткой колючкой. Кустов вообще-то было наперечет – роща осталась у них за спинами, и все разнообразие, которое предлагала их взглядам

расстилавшаяся далеко во все стороны серая аскетичная степь, заключалось в неровных рыхлых кочках с шапками реденькой пожухлой травки. Небо над всем этим было бледно-голубым и совершенно пустым.

По кусту, мимо которого они шли, энергично перебирая многочисленными ногами, семенил продолговатый пурпурный жук, окрасом и решительностью явно протестуя против царящего всюду увядания. Куст был третьим. Коричневые без листьев веточки были покрыты желтоватым пушком, отчего казалась, что...

– Скажите, Алексей, а как вы боретесь со скукой?

– Играю в шахматы с Дитрихом.

– Помогает?

– Если Дитрих играет молча, то помогает.

Доктор понимающе усмехнулась.

Они никак не могли пройти мимо солнца, продолжавшего садиться.

– А сегодня, значит, Дитрих был разговорчив. Или он был занят?

Старпом помедлил с ответом.

– Конечно же, можно было просто позвонить. Но Дитрих и вправду был сегодня в ударе.

Пришлось по-быстрому проиграть ему две партии.

На плечо старпому упал хомяк. Вцепившись лапками в погон и расставив для равновесия крылья, он стал смотреть старпому в правый глаз.

– Капитан пиратского судна и его попугай, – сказал Шафранов.

– Скорее, прогулочной яхты, – сказала Арцимович, – зафрахтованной столичными туристами, отправленной в несусветную глушь и поставленной на стоянку в пустой гавани необитаемого острова...

– А попугаи были бы кстати, – сказал старпом, – если уж ни нанеров, и ни киберов, и ни космоса... Двадцать первый век. Двадцатый даже. Подобная архаика, доктор, вас привлекает?

Шафранов согнал хомяка.

«Пустая гавань необитаемого острова... – подумала Арцимович, – ни Сети, ни друзей, ни нормального ионного душа. Ни даже работы...

Впрочем, работы нет уже давно», – добавила она к своей мысли через несколько шагов.

Когда они подошли к высокой длинной серой стене периметра солнце еще продолжало садиться. Оно продолжало садиться уже третьи земные сутки.

2

Улыбаться Этьен Мирзоев начал еще до того, как двери медицинского отсека распахнулись.

– Здравствуйте, милый доктор! – склонил он гордо посаженную, слишком рано начавшую лысеть голову. – И здравствуйте...

– И здравствуйте, Этьен! – ответила ему Арцимович, видя как постепенно гаснет его с надеждой обегаящий помещение взгляд.

– Алочки нет, – продолжила Арцимович, – она с вместе вашими коллегами учится на Ангаре.

«Улетела и даже не предупредила», – прибавила она мысленно.

Широкая белозубая улыбка Этьена исчезла лишь на секунду.

– Ах, – сказал он, – Не знал, что вы одна, – непременно захватил бы вина! – и прищелкнул пальцами.

– Я бы вас с ним и забраквала... Поберегите его лучше для Алочки. Впрочем, если я узнаю, что вы ее здесь поите, забракую вас обоих.

– Вы сегодня суровы. Куда прикажете?

Легкое пришепетывание, которым приправлялись реплики Этьена, удачно оттеняло чересчур вежливый тон, с которым они подавались.

– А вот в креслице присаживайтесь. Только разденьтесь сначала.

Этьен стал раздеваться.

– Прямо даже неловко, – пробормотал он.

– Ничего-ничего. Поднимите-ка руки. Отлично! Вы случайно танцами не занимаетесь?

– Как же не занимаюсь? Приходите как-нибудь к нам на хуторок в пятницу, сами все увидите.

– Непременно, вот только Аллочку дождусь.

Арцимович принялась закреплять на нем датчики «обвязки».

– Может быть, я лучше сам?

– Зачем же сам? Сервис входит в стоимость... Вы сегодня начальство вперед не пропускаете? Владимир Евгеньевич обычно первым заходит. А сегодня уже и материаловеды прошли, и физзащита.

– Владимир Евгеньевич там, в коридоре. Он... еще зайдет.

Владимир Евгеньевич зашел предпоследним.

– Здравствуйтесь, коллега-диагност, – сказал он неожиданно глухим голосом. Левую руку он держал в кармане пиджака, а правой делал какие-то невнятные движения – то ли призывал доктора без нужды не хлопотать для него, то ли одобрительно поглаживал по голове воображаемого ребенка.

Арцимович прищурилась.

Владимир Евгеньевич улыбнулся.

«Улыбка у него была хорошая. Как у многих некрасивых людей», – в который уже раз припомнила Арцимович. Она поздоровалась и предложила Владимиру Евгеньевичу раздеваться и присаживаться.

Когда она начала крепить на нем «обвязку», Владимир Евгеньевич вдруг стал морщиться.

– Простите, – сказал он, – сегодня просто день очень... выразительный.

И опять сделал неловкое движение рукой.

Арцимович украдкой проверила свое декольте – но нашла его не более выразительным, чем обычно.

Получив результаты обследования, она несколько секунд постукивала ноготками по рамке планшета. Ноготки были аккуратно отточены, и звук получался весьма вкрадчивым.

Владимир Евгеньевич какое-то время тихо переносил взгляд ее больших, окаймленных длинными ресницами синих глаз, потом поднял руку и провел ею по седоватым и в самом деле несколько встопорщенным усам.

– Владимир Евгеньевич, – сказала Арцимович, прекращая экзекуцию.

Но тут на планшете появился сигнал вызова. «Дитрих», – прочла на экране Арцимович.

Она приняла вызов, и они с Дитрихом обменялись приветствиями.

– Как у вас дела, доктор? – спросил Дитрих, откидывая со лба модную синюю прядку.

– Замечательно! – ответила Арцимович, широко улыбаясь. – А у вас?

– Тоже неплохо, – Дитрих говорил легко, даже с небрежностью, – собственно, я хотел поинтересоваться относительно медосмотра. Вдруг вам нужна какая-нибудь помощь? – Дитрих завершил фразу улыбкой. В этой улыбке была начальственная великодушная забота.

– О, вы спрашиваете очень кстати! Я как раз осталась без персонала, после того как четверть нашей браво́й Экспедиции, включая вашего шефа и большинство моих сотрудников, отправилась на обучение в рамках подготовки к следующему эксперименту. И только осознание того факта, что мы с вами трудимся в совершенно разных и решительно не подотчетных друг другу ведомствах, мешало мне обратиться к вам за помощью. Но раз уж вы столь любезны,

что позвонили сами, не пришлете ли мне кого-нибудь с дипломом медика? Или, быть может, этот диплом есть у вас, мы все знаем вас как большого эрудита?

Дитрих принялся перебирать темные бусины этнической фенечки, овивавшей его нежное запястье.

– Мне приятно слышать столь... э-э-э... лестное обо мне мнение, – начал он, – но, к сожалению, диплома медика у меня нет. С другой стороны, в настоящий момент наши компании работают довольно тесно, и я, доктор, весьма мотивирован на то, чтобы задачи выполнялись на должном уровне, в кратчайший срок, и готов этому посильно содействовать.

– Посодействуете в получении разрешения на использование штатного оборудования?

– Э-э-э... Доктор, к сожалению, физикам нужно полное молчание – каппа-поля, вы ведь...

– В таком случае вы крайне обяжете меня, позволив мне продолжить заниматься своим делом, – Арцимович продолжала светски улыбаться.

– Значит, вы говорите, что у вас нет совершенно никаких затруднений, проблем, ЧП?

Арцимович чувствовала, что ему очень хочется вытянуть из нее какое-нибудь заявление или обязательство – например, закончить с осмотром к обеду – или иным способом заставить ее признать подчиненное по отношению к нему положение, но решительности пойти в открытую ему пока недостает (точнее, обстоятельства пока не позволяют ему быть решительным) и все, что он сейчас может, это лишь обозначить намек.

– У меня нет совершенно никаких затруднений и проблем, Дитрих, – ответила Арцимович, не колеблясь, – была очень рада с вами побеседовать. Спасибо вам за заботу.

– У нас с вами большие затруднения и проблемы, Владимир Евгеньевич, – сказала она секунду спустя, отключившись и вновь повернувшись к инженеру, продолжавшему сидеть так тихо, что казалось, будто его и вовсе нет в отсеке. – Как же вы так неаккуратно?

Владимир Евгеньевич виновато улыбнулся и развел руками.

– А что, сильно заметно? – спросил он, указывая подбородком на планшет, – я надеялся, что обойдется.

Держался он хорошо, но в глазах у него была затаенная мука. И мучило его, как теперь точно знала Арцимович, жесточайшее похмелье.

– А я надеюсь, что среди тех, с кем вы выпивали, есть человек, который может почистить мою базу данных. Система говорит мне, что к мини-серии вы не допущены, а от работы отстранены. Так что смело можете одеваться. Пиджак только пока оставьте и закатайте рукав у рубашки.

У инженера опустились уголки губ.

– Отстранение с отсечением? – печально спросил Владимир Евгеньевич, – можно тогда левую?

Доктор хмыкнула, поднялась из кресла и, отстукивая каблучками, прошагала к киоску с препаратами. Она коснулась пальцами панели, прослушала череду негромких сигналов, перемежавшихся щелканьем смесителя и журчанием переливающейся жидкости, и извлекла из выдающего отсека большой холодный стакан и капсулу инъектора.

Инженер сидел уже одетым, держа в большой ладони собранную «обвязку».

– Рубить... – проговорила Арцимович. – Варварство какое. Это не наши методы. Сейчас я вас уколю – сама отвалится. Берите стакан. Мелкими глотками. Давайте руку. Так и быть, левую.

Арцимович прижала к вене капсулу, надавила на нее, дождалась, пока содержимое всосется. Взяла у инженера датчики и вместе со смятым инъектором бросила в корзину утилизатора.

– Вкусно, – сказал Владимир Евгеньевич, глотнув из стакана.

– Вкусно, – со знанием дела подтвердила Арцимович, – сейчас должно стать получше.

Они несколько минут посидели молча. Доктор покачивала ногой в изящной туфельке, инженер медленно опустошал стакан.

– Ну как? – спросила Арцимович, когда Владимир Евгеньевич, перегнувшись в кресле, аккуратно опустил пустой стакан в корзину.

– Чудесно, – ответил Владимир Евгеньевич, – вы, доктор, волшебница. Прекрасная синеглазая волшебница.

– Не подлизывайтесь. Насчет антитоксинов могли бы и сами побеспокоиться, между прочим, – выпивку вы ведь как-то провезли. . .

– Доктор, – сказал Владимир Евгеньевич серьезно, – мне правда очень неудобно. Глупость такая получилась.

– Да уж, не шедевр. С кем выпивали?

Владимир Евгеньевич растерянно улыбнулся.

– Простите, доктор, – сказал он.

«Не скажет, конечно. Старая союзная закалка», – подумала Арцимович и сказала:

– Ладно, Владимир Евгеньевич, идите работать, я как главный врач вас допускаю, с базой что-нибудь придумаем.

Владимир Евгеньевич не поднимался из кресла.

– Анна Николаевна, – ее отчество он произнес на старинный манер – «Николаевна», – а у вас неприятностей не случится? По каким-нибудь не моим каналам, – он вновь указал головой на планшет, имея в виду, конечно, ее разговор с Дитрихом.

– Идите работать, Владимир Евгеньевич, – сказала доктор, демонстрируя улыбку, лежащую почти на противоположном конце спектра относительно любезности, доставшейся Дитриху. Собственно, не демонстрируя даже, а просто улыбаясь, – никаких неприятностей у меня не случится. Если, конечно, вы во время серии не поднимете на воздух пару техбоксов. Идите, чем быстрее вы закончите, тем скорее мы все отсюда вырвемся.

Она могла бы еще добавить, что не нужно больше пить перед экспериментами, но, конечно, не стала этого делать.

– Спасибо вам, Анна Николаевна, – сказал Владимир Евгеньевич.

В списке доктора оставалась еще одна фамилия.

Ее обладатель вдвинулся в проход отсека, заполнив собой почти всю его ширину и высоту.

– Здравствуйтесь, доктор, – объявил он торжественно. В блестящих глазах переливалось лукавство.

– Здравствуйтесь, Лоусон, – ответствовала Арцимович, – раздевайтесь.

– Просьба из ваших уст всегда звучала приказом для нас, – сказал Лоусон, – особенно просьба раздеться, – добавил он, растянув тонкие губы в задумчивой улыбке.

– Ну тогда, будьте любезны, и помогите себе сами, – доктор указала на стопку пакетов с «обвязками», – разберетесь? Там есть схема.

– Ха, – сказал Лоусон.

Двигался он неторопливо и в то же время как-то быстро и точно. В осанке было изящество медведя, способного на скорость гепарда. Закрепление на себе очередного датчика он увенчивал довольным междометием, которое, видимо, брал из приберегаемого как раз для такого случая запаса, а может быть, мастерски изготавливал прямо на месте. Датчиков было больше тридцати, и в первой дюжине Лоусон в своих репликах не повторялся. Потом Арцимович перестала его слушать.

– Проверьте, – сказал Лоусон.

Доктор взглянула на планшет и обнаружила, что в «обвязке» Лоусон ни разу не ошибся.

Пока шла диагностика, Лоусон сидел в кресле и, не отрываясь, смотрел на Арцимович таинственным взглядом. Было понятно, что вот-вот случится затейливый комплимент,

или вырвется-таки наружу тщательно и тщетно скрываемая сногшибательная новость, или, в самом крайнем случае, извлечется из воздуха букет желтых венецианских роз. Но ничего этого не происходило, Лоусон продолжал молча рассматривать доктора.

Когда Арцимович увидела результаты, то сначала решила, что в диагностике произошел сбой. Она повторно запросила часть данных и вновь всмотрелась в таблицы. «Что же это получается? – подумала она. – Если в крепком, то... не меньше литра. Впрочем, при его комплекции», – она взглянула на широкую грудь атлета и могучий живот любителя фастфуда.

– Что вы меня так разглядываете, доктор? – поинтересовался Лоусон невинно. – Я где-то с датчиками ошибся?

– Внешностью вашей любуюсь. У вас случайно древнеримского шлема с пером нет? Вам бы пошел.

– А, вы про это, – Лоусон повернул голову и действительно весьма похоже изобразил четко высеченный профиль с древней монеты. – Нет. Я – русский. Я сибиряк.

– С обычной сибирской фамилией Лоусон, да?

– Фамилия ни при чем. Я русский по духу.

– И по образу жизни. Вы Владимира Евгеньевича зачем напоили?

Лоусон не смутился.

– Я его не напаявал Он как-то сам напоился. Постепенно... Вчера был день рождения моей жены, я, как русский и как сибиряк, не мог его не отметить.

– Расскажите супруге, когда вернетесь из Экспедиции, что по случаю дня ее рождения мини-серию отменили, а руководитель диагностов оказался неспособным исполнять свои обязанности. Вы понимаете, что натворили? Владимир Евгеньевич – человек чуткий и интеллигентный, он не мог вам отказать, а вы его так подставили!

– Да? А это не Владимир Евгеньевич только что от вас вышел? Он будто бы ничего себе вышел, без посторонней помощи.

Автоматическая дверь отсека распахнулась, коричневая тень сквозь проем метнулась к столу доктора и обернулась пушистым зверьком.

– Ой-бай, – прошептал Лоусон, подпрыгнув в кресле.

Доктор выдохнула.

– Что же это такое, – сказала она, – куда физзащита смотрит, в медотсеке хомяк!

– Физзащита смотрит в ту же инструкцию, в которую смотрим мы все и которая запрещает использование... практически всего. Что им, хомяков руками ловить?

– Что-то они осмелели. Хомяки то есть. Раньше облетали периметр за километры...

Хомяк смиренно сидел на столе, сложив перед собой мохнатые лапки и вытянув хвост. Черные глазки смотрели на Арцимович.

– Неудачное название – хомяк, – сказал Лоусон, – какой же это хомяк?

– На хомяка он действительно не похож, – согласилась Арцимович, – это их так какой-то остряк еще из нулевой Экспедиции окрестил. Как вы думаете, они кусаются?

– Я другое название предлагал, – не заметив ее вопроса продолжил Лоусон, – но оно не прижилось – «мурбас».

– И что оно означает?

– Ну «мур» – это от мурлыкать... вам ведь хотелось его за ушком почесать?

– Да, было дело, – улыбнулась Арцимович, – а «бас»?

– А «бас» – это по-казахски «голова».

– Господи, казахский-то вы откуда знаете?

– Ну, дело в том, что я немножечко еще и казах, – с достоинством ответил Лоусон.

– Не скучно с вами, однако... Значит, «мурлыкающая голова». Погодите, тогда получается «мурлбас»?

– «Мурлбас» – это как-то не по-казахски.

– А «мурбас» – по-казахски?

– А «мурбас» – вполне.

– Так, – сказала Арцимович, – сделаем следующее. Вы сейчас пойдете, дождетесь, пока откроется дверь, и встанете сбоку, чтобы проем оказался свободным. А я его напугаю. Должно получиться.

Лоусон поднялся из кресла и принялся одеваться.

– Кстати, – вспомнила Арцимович, – вы информационщик. Сможете почистить мою базу? О вашей судьбе еще нужно подумать, а вот Владимиру Евгеньевичу неприятности из-за вас не нужны.

– Базу, говорите?... – задумчиво протянул Лоусон, уставился куда-то за плечо доктора и вдруг быстро, как пианист, задвигал пальцами опущенных рук, – базу, – повторил он, – базу... э-э-э... м-м-м... это даже ин... терес... н-н-но... почему я раньше...

Арцимович, ничего не понимая, смотрела, как Лоусон продолжает играть на невидимом фортепьяно. Глаза его следили за чем-то в дальнем конце отсека. А в дальнем конце отсека ничего особенного не было – доктор даже обернулась и посмотрела. Прикрытая белой шторкой дверь в хирурготсек, стеклянные шкафы с замороженными нанерами, сложенные кибертележки...

– У вас что, айплант включен? – сообразила вдруг Арцимович. – Кто вам разрешил?

– Ну почему сразу айплант, – медленно начал отвечать Лоусон, – есть... другие... альтернативные системы.

– Кто вам разрешил? Вы что, с шафрановскими особистами еще не сталкивались?

– Я... хотел, но... они хлипкие все... ага... почти... калориметр... знаете... такое слово есть забавное! Все. Смотрите планшет.

Доктор посмотрела. Лоусон был в критическом состоянии по ряду показателей. У него не работали почки и поджелудочная, зашкаливал при этом гемоглобин, и была температура в пятьдесят три градуса.

– Так лучше? – спросил мертвый, но явно гордый собой Лоусон.

– Так, – сказала Арцимович, – давайте-ка по порядку. Первое. Почему у вас айплант включен? Медицина и здоровье – мое личное дело, а вот о том, что вы айплант разблокировали, я должна доложить военным.

– Спокойно, доктор, мне можно, у меня санкция. Вполне официальная. Кто-то должен поддерживать весь этот наш диагностический зоопарк. Совершенно серьезно. Вот вам мой мандат.

– А врачу, значит, можно без айпланта... Ладно, тогда второе, – Арцимович произвела несколько манипуляций с планшетом и показала его Лоусону, – показатели, которые лягут в базу, должны быть вот такими.

– Не нужно показывать, я все прекрасно вижу сам... Сделаем, – сказал Лоусон, довольно угукнул и снова зашевелил пальцами.

А хомяк по-прежнему сидел себе на столе, зажмурившись, не проявляя никакого интереса к обилию медицинских установок и принадлежностей, не пытался устраивать никаких фокусов, вроде своих степных упражнений. По форме и окрасу все хомяки были одинаковы, и Арцимович не могла понять, смотрит ли она на давешнего знакомого или перед ней какой-то другой зверек.

– Ерунда какая-то, – сказал Лоусон, – у меня соединение исчезло... У вас тут ничего в гигагерцовом диапазоне не излучает?

– У меня все заморожено, – сказала Арцимович, – разве что «обвязки»? Или ваше включенное на всю мощность самодовольство?

– Да нет, «обвязки» я вижу... Сигнала нет...

Хомяк на столе вдруг открыл глаза, поднялся и расправил крылья.

– О, – обрадовался Лоусон, – есть соединение. Так.

– Погодите, Лоусон, давайте сначала от хомяка избавимся. Он будто бы ведет себя смиренно, но, ему здесь совсем не надо быть.

Ничего не подозревающий о грозящих ему неприятностях несанкционированный хомяк вновь улегся в прежнюю позу и закрыл глаза.

– Черт, – сказал Лоусон, – исчезла связь, а ведь почти успел. Ладно, давайте изгонять бесов.

Он осторожно подошел к двери, дверь вобралась в стену. Лоусон вдруг развернулся и сделал шаг обратно по направлению к столу. Дверь медленно вернулась на место.

– Что такое? – спросила Арцимович.

Вместо ответа Лоусон шагнул вперед. Потом еще раз. Потом шагнул назад. И еще. Дверь за его спиной бесшумно распахнулась.

– Хомяк излучает электромагнитные волны примерно на девяти гигагерцах, – объявил торжественно Лоусон. – Вот так зверушка.

Арцимович посмотрела на свой стол. Хомяк открыл глаза.

– Перестал, – сказал Лоусон.

– Чудеса какие-то, – проговорила Арцимович, – зачем такому пушистому излучать, да еще на девяти гигагерцах?

– Доктор, у меня к вам предложение, – сказал Лоусон. – Давайте мы сейчас на время избавимся от этой загадки природы, я поправлю всё в базе, потом быстренько зарегистрирую все данные о физпроцессах, а потом мы с вами встретимся вечером и исследуем все странные свойства местной... э-э-э... фауны, да? Всегда путал с флорой. А еще я научу вас пить чай по-казахски.

Арцимович, прищурившись, смотрела на хитро улыбающегося Лоусона. Теперь она тоже почувствовала излучение. Это внутри нее вдруг задрожала давно и, как ей казалось, навсегда успокоившаяся исследовательская жилка.

3

В функционировавшей по земному распорядку Экспедиции был тихий вечер.

В окружавшем ее мире распускалось розовое утро. Из реки поднималось чисто умытое солнце. Легкий ветерок играл листвою на деревьях рощи и пошевеливал волоски на толстых лодыжках Лоусона. Его голые ноги выросли из песка и исчезали в просторных белых шортах. Рядом с его ступнями зарывались в песок напрягшиеся металлические основания походного кресла. Восседавший в нем Лоусон пил чай.

– А пить зеленый жасминовый чай вас, вероятно, научил бывший шеф? – произнесла Арцимович.

Некоторое время она следила за траекторией вопроса, пущенного ею в далекое небо. Она ждала, когда он приземлится по ту сторону прочной баррикады из кольца на пальце Лоусона, разницы в годах и еще множества вещей, о которых ей так не хотелось думать.

– Вы знаете моего бывшего шефа? – удивился Лоусон. Он сделал большой глоток, подержал немного пиалу и вернул ее на маленький столик, который стоял между его креслом и вытянувшейся в шезлонге Арцимович.

– Да, я забыла его имя, но мы встречались во время подготовки к Экспедиции. По слухам, он покинул вас, так и не дождавшись начала планетной фазы.

– У нас таких называют выбравшими свободу.

Арцимович взяла со столика пиалу. Пиала сверкнула солнечным бликом, и в нее с неба мгновенно прыгнуло молодое, по-утреннему непоседливое облачко.

– А он пишет вам? – спросила Арцимович.

– Писал первый год. Потом перестал.

Доктор покачала свою чашу, глядя, как пошевеливается отражающийся в ней серый набухший комок. «Конечно, не пишет, – подумала она, – вы ведь, доктор, тоже перестали писать своим, когда поняли, что уже не знаете, чем обернутся ненадежные и неподатливые слова на том конце моста, в ставшем чужим для них и вас мире. Чтобы рассказать о себе, слов недостаточно. Однако получать письма из того, когда-то родного для вас мира – пока они еще шли – было хорошо. Ведь там осталось...»

– Ваше парео, доктор, – задумчиво произнес Лоусон, – напоминает мне мою жизнь...

Арцимович повернула голову.

– Полосы, – пояснил Лоусон, – полоса белая, полоса черная, полоса белая, полоса черная... А потом, извините, попа! Хотя в вашем случае это нечто, безусловно, великолепное.

Арцимович стала смотреть на солнце. Долгое местное утро обещало ей еще один очень-очень длинный и скучный день.

«А чего вы, доктор, собственно, ожидали? Неожиданных приятных открытий – чудесного отголоска вашей чересчур долго длившейся юности? Излучающие хомяки? Земные люди, летучие мыши, дельфины, касатки и кто там еще – тоже вполне себе излучают, пусть и акустически. Всего лишь еще один эволюционный выверт... И заниматься им следует ксенозоологам, разгильдяям, при первичном исследовании пропустившим и хомяков, и это их излучение. Впрочем, почему пропустившим? Быть может, совсем не пропустившим. Быть может, кто-нибудь из них даже сделал себе докторскую. “Радиоволны как метод коммуникации на дальние расстояния у грызунов системы Р-2...”»

– Слушайте, Лоусон, я правильно понимаю, что излучение хомяков – это радиоволны?

– Да, электромагнитное излучение.

«Действительно, лучше “Электромагнитное излучение как метод коммуникации на дальние расстояния”... Защитил себе докторскую, получил грант на продолжение исследований, собрал группу и возделенный первый транш потратил на закупку оборудования и офисных принадлежностей, прикидывая, как бы обосновать еще необходимость личного кара для удобства и апгрейда айплантов – чтобы не тормозили сетевые игры... Аннотационный отчет, полугодовой отчет... Бумага стерпит. Тут мы с вами вспоминаем хорошую улыбку Владимира Евгеньевича и начинаем ощущать стыд. Но сразу же вспоминаем другие интеллигентные улыбки и перестаем его чувствовать. Не то чтобы вам, доктор, нечего было стыдиться... Но ведь вы сейчас уже далеки от этого, не правда ли?»

– И так можно общаться на значительно более дальние расстояния, чем, например, мы с вами, а? – спросила Арцимович.

– Вероятно, да... Впрочем, мне всегда больше нравились общения на расстояниях близких, – не унимался Лоусон.

«Инженер-информационщик? Образцовый семьянин и большой оригинал, интересующийся своим делом, женщинами и выпивкой. А во время отпусков гоняющий верхом на казахском скакуне в каком-нибудь историческом клубе. Или на мотоцикле по старым черным дорогам».

– А верхом вы умеете ездить?

– Пробовал... Но меня не всякая кобылка выдерживает.

– Слушайте, Лоусон... – начала Арцимович.

– О! У меня сигнал! – воскликнул тот. – Наконец-то! Я уж думал, вы меня в такое идиллическое место с какой-то другой целью заманили, а хомяков выбрали как предлог... Приближается к нам... вот оттуда!

Лоусон махнул куда-то за противоположный берег реки. Доктор посмотрела. Но там не было видно никакого движения. Алая степь уходила к самому горизонту. Бурым пятном на фоне бледного неба выделялась одинокая скособоченная гора.

– А откуда вы про хомяка узнали? – спросила Арцимович.

– Ловкость рук! – усмехнулся Лоусон. – На самом деле я через ваш планшет к Системе подключен...

– Да? Не знала, что так можно.

– А он просто залочен у вас был, а я получил доступ к руту.

Лоусон повернул голову, демонстрируя чеканный профиль.

«Ну конечно, доступ к руту – теперь то все понятно...»

Арцимович наконец увидела хомяка. Он летел неторопливо, тяжеловато и издалека был похож на обычную ворону. И лишь над рекой хомяк, будто бы спохватившись, закрутился, забился, затанцевал в небе, с каждой фигурой оказываясь все ближе и ближе.

– Редкий хомяк долетит спокойно до середины водоема РД20-12, – прокомментировал Лоусон.

– Название тоже из Системы достали?

– Все нет, у меня здесь, – Лоусон постучал себя по прямому лбу, – локальный кэш на все архивы Экспедиции. И еще часть Вики поместилась.

Он гордился своим имплантом. А может быть, и лбом. Арцимович откинулась в шезлонге.

А хомяк тем временем сделал круг над пляжем, ринулся к столику и аккуратно вписался между чайником, пиалами и блюдцем с золотистыми казахскими баурсаками. Вполне, видимо, довольный произведенным эффектом, зверек продемонстрировал одному и другому зрителю пару отличных кожистых крыльев, поросших желто-коричневой щетинкой, и улегся, уронив голову на пиалу доктора. Пиала перевернулась, напуганный хомяк взметнулся в воздух. Сотворенная из пролитого чая амeba пустила по столу блестящие щупальца, нащупала край и, перевалив его, с журчащим звуком принялась уходить в песок.

– Хомяк был пьян... – пробормотал Лоусон. – Погодите, а ведь он нам тут кое-что оставил!

– Вам прибираться.

– Да нет... Слушайте, тут целая пьеса получается! Радиопьеса. Темпераментные, однако, создания, я как-то даже и не ожидал... Боюсь только, частоты семплирования у меня не хватило.

– И что там получается? – Арцимович смотрела на инженера, который, добавив к своему профилю хищную улыбку, уставился в пространство перед собой, держа в одной руке пиалу, а пальцами другой совершая быстрые и вроде бы совершенно бессистемные движения, заставляющие Арцимович вспомнить о кульбитах хомяка.

– Ну и что там?

– Тут довольно много... за полсекунды. Хм... не могут же они несущую использовать... Или это у них полезный такой?.. Как вы думаете, он еще вернется? – Лоусон повернулся к Арцимович. Она отметила это особое и давно уже не наблюдаемое ею преобразование глаз, когда взгляд Лоусона перешел с изображений импланта на ее лицо. Будто Лоусон до этого дремал с открытыми глазами, а теперь проснулся. Или был без сознания и неожиданно пришел в себя.

– Давайте подождем, – сказала Арцимович.

Лоусон выбрал на столике место посуше и поставил туда свою чашку. Потом взял салфетку и принялся наводить порядок.

– С баурсаками и пиалами мы с вами разобрались... – сказала Арцимович, – а в чем заключаются остальные правила чаепития по-казахски?

– Правил на самом деле много. Но для себя я выделяю следующие три. Можно даже опустить пиалы и баурсаки... Нулевое: чаю должно быть много. Первое: чай следует пить

не спеша, – Лоусон ловким движением извлек из ящика чистую пиалу и наклонил над ней чайник.

– А второе, которое, на самом деле третье?

– Чай следует пить непременно в хорошей компании! Ваше здоровье!

– А вот и наш гость. Давайте-ка немного расчистим ему посадочную площадку.

Однако на этот раз хомяк решил не рисковать со столиком и мягко упал на колени Арцимович.

– А что, вполне себе смысленные создания, – глубокомысленно заметил инженер.

Хомяк не стал утапывать оказавшуюся под ним поверхность, как это делают кошки, не стал и хвастаться размахом крыльев, он подобрал под себя толстые лапки и зажмурился, на этот раз предусмотрительно не опуская голову.

– Внимание, – прищурившись, прошептал Лоусон, – отлично! И еще разок. И еще!

Арцимович не удержалась и провела рукой по приятной шелковистой шерстке. Хомяк открыл глаза. Лоусон шевельнул пальцами, и хомяка тут же смело с ее колен. Она даже не успела заметить, в каком направлении он исчез.

– Вы что сделали?

– Ну... отправил ему обратно то, что только что от него принял. Просто интересно стало. Кажется, собственные песни ему не понравились... Правда, у меня ощущение, что частоты не хватило... Сигнал, вероятно, вышел лохматым... Я бы показал на планшете, но это не очень интересно будет. Вроде ваших кардиограмм... Только непонятно, с какого органа, и непонятно, как он на самом деле должен работать... А что, если они умнички, вроде дельфинов?.. Ежели нам его по Зипфу? Данных маловато... Это не выборка, а недоразумение. По Зипфу ерунда получается. Наклончик-то ма-а-ахонький... Нет, с таким наклоном нам в дельфины... С таким наклоном мы еще до... Нет, маловато данных. А если по Матису? А до Матиса нам данных и вовсе... Куда нам до Матиса? Нам до Матиса еще зарегистрировать и зарегистрировать...

– А модулируется – пилообразненько? – спросила доктор.

– Что? Как это? – было очень похоже, что Лоусон сейчас, вынырнув из своих мыслей и обнаружив рядом с собой Арцимович, приятно удивился.

– Нет, совсем не модулируется. То есть чем-то оно модулируется, но, по Зипфу, это не язык. Впрочем, что с трех записей скажешь? Однако мы с вами будто бы о чаепитиях говорили! На двадцати, что ли, попробовать... чтобы уже наверняка! А, доктор?

Арцимович вот уже несколько минут любовалась инженером.

«Вот вам, доктор, еще один образец Человека Увлеченного. Глаза у него пылают, руки у него в движении, а сердце всему этому помогает. Впитывайте, доктор, не за этим ли вы в Экспедиции? Вспоминайте. Не такой ли вы были лет семь назад? Человек Увлеченный всегда бодр. Человек Увлеченный всегда весел. Человеку Увлеченному никогда не скучно, и для него нет ни тяжелых условий работы, ни пустоты черных вечеров. Есть только любимое Дело – и бескрайний мир этого Дела, в котором еще столько, столько неизвестного, нерешенного, неисправленного, но, безусловно, поддающегося и исследованию, и исправлению... Впитывайте, доктор, ведь вам уютно только с такими людьми, а сами вы уже давно не такая...»

– Лоусон, а вам никогда не хотелось последовать примеру шефа? Вы инженер, в частных структурах могли бы зарабатывать гораздо больше.

– Выбрать свободу? Нет. Я доволен и местным кормом. Работа разнообразная, с начальством можно договориться. Да и вечерами свободное время остается.

– А вас не смущает то, что вы давно и активно трудитесь на ведомство гражданина Шафранова?

– Ну а почему это должно меня смущать? Вы тоже трудитесь на это ведомство.

– А я могла бы вам ответить, что никаких новых продуктов не создаю, новых знаний не добываю, а, совсем напротив, слежу, чтобы в своих экспериментах героические исследователи не нанесли себе вреда, и иногда их даже ограничиваю.

– Могу ответить вам, что я как информационщик тоже не добываю никаких новых знаний и не создаю продуктов, а всего лишь помогаю физикам чуть быстрее отвечать на интересующие их вопросы.

– Ответив на которые, физики смогут собрать для гражданина Шафранова боевой капта-излучатель, а?

– Во-первых, что в этом плохого? Раз собирают боевой, значит, он кому-нибудь нужен! А во-вторых, я все равно не ощущаю особой разницы между нами. И вы, и я участвуем в одном и том же процессе. Как любит повторять один мой коллега: мы все делаем одно большое общее дело.

Арцимович отпила из чаши.

«Можете спорить сколько угодно, доктор, но в главном он прав – все вы делаете одно и то же большое общее дело... И каждый из вас всего лишь деталь механизма – более или менее прочная, более или менее грязная, более или менее стертая. И чем дольше каждый из вас работает, тем больше притирается и пачкается. Не меняется только механизм – бездушный и не знающий сбоев колосс. А еще, наверное, Лоусон мог добавить третий пункт: до тех пор, пока ему дают заниматься интересным делом и кормить этим семью, он может позволить себе не копать столь глубоко. Скромная обывательская позиция. Это ведь вам, доктор, непременно нужно, чтобы дело ваше было не только интересным, но и имело смысл и вообще было самым нужным, самым главным... А что если любое сделанное с душой и искренним интересом дело не может быть бесполезным и тем более послужить злу? Если бы, доктор, если бы... Так или иначе, для вас, уже осознавшей холодность и упрямство механизма, частью которого вы являетесь, возвратиться в стадию Человека Увлеченного теперь невозможно. Это ведь дар, это спасение – быть Человеком Увлеченным...»

– А почему вы не пользуетесь ментальным интерфейсом? Первый раз вживую вижу чудака, который работает на айпланте пальцами, – сказала Арцимович.

– У вас какой-то странный порядок интервьюирования...

– Это часть диагностики. Вам, кстати, от такого количества чая дурно не делается?

Лоусон как раз наливал себе очередную пиалу.

– Ничего не могу поделать, – признался он, – Обычно после третьей кружки выхожу на режим и дальше остановиться уже не могу. А мануальный интерфейс, – Лоусон произвел пальцами серию пассивов, – на самом деле быстрее ментального. Просто дело привычки. К тому же, – он скосился поверх пиалы на доктора, – весьма помогает держать руки в тонусе! А теперь спросите меня, для чего мне держать в тонусе руки.

– Неужели вышиваете?

– Вышивает у меня жена, а я играю на гитаре. Вы хеви-метал случайно не любите? Некогда весьма популярное направление. С вашей тягой к архаичным бумажным книгам, быть может, слышали?

– А можете что-нибудь показать? – сказала Арцимович, смиряясь.

Если бы у Лоусона были крылья – пусть даже и не поросшие щетиной, – он бы продемонстрировал их с не меньшей величественностью, нежели хомяк. Он, впрочем, был хорош и без крыльев. Многозначительная улыбка, яростный взгляд, предваряющий выступление, – весь необходимый для шоу реквизит наличествовал... Арцимович поняла, что сейчас будет разыграна приберегавшаяся про запас, самая сильная карта.

– Ну вы понимаете, что без гитары за ближайшим деревом я вам мало что могу показать...

– Кокетничаете?

Лоусон поставил на столик пиалу и сложил руки так, будто в них был настоящий инструмент.

– Да, и аудиосистема у вас в планшете, конечно... – пробормотал он. – Нет, не доставайте наушников, вполне слышно будет. Ладно... Бир, еки! Бир, еки, уш, тёрт!

Планшет взревел. Арцимович не была поклонницей музыки столь громкой и столь быстрой. Впрочем, это длилось не слишком долго, а некоторые моменты даже показались ей вполне изящными. В целом, она ожидала чего-то более неприятного. На последних аккордах лицо Лоусона исказилось, его взметнуло из кресла вслед за звуком – прочь от земли, ввысь, вдаль... А потом доктору вновь стало тихо и уютно.

– Вот как-то так, – скромно сказал инженер.

Арцимович похлопала.

– Теперь я знаю, как можно по-казахски сосчитать до четырех... – сказала она. – Выступаете?

«Вот, значит, что у нас вместо мотоциклов и исторических клубов. Но сути это не меняет».

– У нас команда. Бывает и выступаем – для друзей, коллег, в небольших клубах.

– А вы никогда не думали заняться музыкой профессионально? Вдруг бы вам понравилось больше, чем программировать?

– Нет уж, мне этого никогда не хотелось. Переставая быть дилетантом, теряешь и свободу, и легкость. Все равно как если бы за занятия любовью вдруг стали начислять баллы или платить деньги. Любовью-то надо заниматься искренне. Следуя инстинктам.

– А вот старпом сказал бы, что и при занятиях любовью важно соблюдать дисциплину.

– Поэтому он и не играет на гитаре... За дилетантов!

– За музыку! – доктор тоже подняла свою чашку.

«Имея в запасе столь тонкий вид деятельности, и в самом деле можно забыть и о капта-излучателе, который ты сооружаешь днем, и об окружающих тебя черных мундирах. Но это не для вас, доктор. Для вас работа – главный способ изменения мира. Восемь часов в день делать излучатель, а потом идти домой и сочинять музыку... Или вышивать бисером. Или готовиться к летнему походу в горы. Но, с другой стороны, как еще можно не стать притертой деталью механизма? Если, например, никакой другой деятельности, кроме создания излучателя в твоей жизни не ожидается? А оставаться живым очень хочется. И еще хочется любить супруга и воспитывать детей. Детей... И все равно. Мы ведь не только оставляем этому миру тех детей, которых смогли воспитать, но и детям оставляем тот мир, который смогли создать, а создаем и меняем мы его главным образом на работе. Впрочем, иные не меняют мира и не оставляют детей, не правда ли, доктор?»

– Хм... – сказал Лоусон. – А хотите, я вам еще кое-что покажу? Секундочку... Вот!

Планшет издал серию неприличных звуков. Доктор заломила бровь.

– Простите, – пробормотал Лоусон, – это не я, это хомяк... То есть я попытался перевести его радиовопли в вопли акустические... раз уж мы о музыке заговорили, – он задвигал пальцами. – Давайте еще раз.

Неприличные звуки обрели общую выразительность и демоническую глубину.

– Нет, пожалуй, я с этим наедине должен поработать. В своей юрте. Кстати! Доктор! Раз уж вы теперь знаете особенности казахских чайных церемоний, то, может быть, вас заинтересует убранство их национальных жилищ?

Арцимович поставила пустую чашу на столик. «Пожинайте, доктор, плоды столь тщательно сформированного вами имиджа. Пожинайте и не жалуйтесь. И хорошо еще, что никто из них не читал вашего личного дела».

– Видите ли, Лоусон, – мягко начала она, – мне нужно вам кое-что объяснить.

– Тогда предлагаю еще одну кесешечку. За искренность!

Он поднял со столика большой расписанный синим узором чайник и налил себе и доктору.

Разрезвившийся ветерок накинудся на открывшийся огонек горелки, подогревавшей чайник, попытался его задуть, не смог и вернулся к своей забаве с растительностью на ногах Лоусона.

Доктор покорно взяла пиалу и посмотрела поверх нее на утреннее солнце, на небо, на длинный скучный день, который еще даже не начался.

4

– Хорошо, а какова вероятность того, что напряженность останется в пределах ноль-трех – ноль-семи?

– Вероятность... Не скажу. Здесь нужно считать.

– Ну хотя бы приблизительно?

– Ну процентов семьдесят, может быть... Но это все прикидки... Нужно считать. Собственно...

– Собственно, у нас с вами никакой конкретики.

– А какой конкретики вы от меня хотите? Думаете, у меня есть контракт с матушкой природой?! Это поиск, понимаете – поиск!

– Поиск – это хорошо. Высокие материи, слоновые кости, башни. Честь вам и хвала. Однако мы с Дитрихом представляем ведомства куда более приземленные. Допустим, с уменьшением напряженности мы еще могли бы согласиться, но сдвиг сроков нас категорически не устраивает. Результаты для нашего министерства должны быть уже в этом квартале. Честно говоря, вообще непонятно, о чем мы тут с вами беседуем. Существует четкая и утвержденная – в том числе и вами, и вашим руководителем – программа экспериментов...

– Программа разрабатывалась три года назад. На тот момент она казалась оптимальной.

– Будь она неоптимальной, наше ведомство не стало бы ее финансировать.

– Я ведь не предлагаю вам полностью отказаться от ваших выгод. Я всего лишь прошу дать возможность завершить основное направление исследований. После этого обязуюсь предоставить все установки в ваше полное распоряжение. На любых режимах, в любых диапазонах.

– Простите, джентльмены! Старпом, Владимир... Мы все здесь делаем одно общее дело. Все мотивированы на достижение результатов. Давайте попробуем договориться. Наша компания заинтересована в получении материаловедческих данных. Задержка в несколько месяцев не будет критичной – наше производство освободится только к началу следующего года. Но к тому моменту должны быть получены результаты по облучению в утвержденном диапазоне. Итак, нам нужен пуск на ноль-трех – ноль-семи до конца года. Можете вы нам это пообещать?

– Разумеется, не могу. Мне нужны как минимум две недели для расчетов.

– Две недели. Хорошо. Давайте представим, что мы согласились на изменение параметров физпуска, взамен оговорив условия специальной материаловедческой серии. Насколько вероятно, что ваш научный руководитель сочтет данные вами обязательства выполнимыми? Существуют ли какие-либо документы, на которые мы с Алексеем могли бы опереться в отчетах нашему начальству? Как справедливо заметил Алексей, мы с ним представляем миры, весьма далекие от научного храма, и озабочены прежде всего получением материальных выгод. Отвлеченные исследования нас мало интересуют.

– И это, и вот это, и многое другое было получено в результате как раз таких вот отвлеченных исследований! Да об ультракрите никто бы и не слышал, если бы не отвлеченный труд команды Маринина!

– Владимир Евгеньевич, на философию мы сослаться не можем. Вы все время пытаетесь увести нас в сторону.

Арцимович принялась превращать портрет старпома, состоящий в основном из выпяченной челюсти и надвинутой на глаза форменной фуражки, в фас Дитриха. Исчезла фуражка, освободив место для модной прически – с тщательно, впрочем, припрятанной сегодня синей отметиной, закруглился подбородок, строптиво сложились еще по юношески припухлые губы... Стилус резко, выверенно двигался в длинных пальцах Арцимович. Она чувствовала, что никак не удавался взгляд Дитриха, но смотреть на него ей не хотелось. А на Владимира Евгеньевича ей смотреть было жалко.

– Пойдите, джентльмены. С мотивациями все ясно. Нам нужно прийти к ситуации выигрыш-выигрыш-выигрыш. Давайте по порядку.

На голове нарисованного Дитриха появилась детская панамка, а на заднем плане проступили контуры воздушных шариков. Шариков было много, и они вполне могли вознести его в небеса.

– ...для того чтобы так отклоняться от программы, нам нужно веское основание.

– Ну, так мы с вами опять по кругу пойдем...

Это называлось плановым заседанием рабочей группы. За огромным круглым столом сидели руководители подразделений, ведущие специалисты. Заседание шло уже больше двух часов.

Главный материаловед, наклонившись в кресле, украдкой трогал лист пальмы, растущей из большой четырехугольной кадки, пытаясь определить, настоящий он или нет. Лист казался ему живым – он был мягкий и чуть шершавый на ощупь. Ответственный за физзащиту, поняв, что его пасьянс уже не сойдется, пробовал сосредоточиться на черновике полугодового отчета; сосредоточиться ему мешали голоса спорящих. Начальник сводной группы расчетчиков, прикрыв веки, тер глаза большим и указательным пальцем. Он думал о том, что рассчитать предложенную ему программу за несколько дней невозможно... Когда наконец он открыл глаза, его взгляд как-то сам собой остановился на красивой шее доктора Арцимович.

– ...за которым мы сидим, помните, откуда он взялся и что он символизирует?

Арцимович вернулась к сохраненному портрету старпома и принялась наносить штриховку – короткие, четкие линии – на кант его фуражки.

«Стол, – думала она, – как же, как же. Настоящее дерево, стоял в конференц-зале еще союзного Центра. Академик на первом совещании прочел целую лекцию. О принципах демократии и равноправия, преемственности поколений... Интересно, увидел бы он сейчас в круглой форме символ невозможности договориться и оказаться на одной стороне? Впрочем, будь здесь сейчас Академик, старый пират с седой гривой поверх дорогого костюма, уж он бы быстро навел порядок. Обратил бы внимание присутствующих на то, что именно его министерство вложило в проект наиболее ощутимо. Дитриху припомнил бы несвоевременные поставки, Шафранову – неверные спецификации... Он бы бил их умеючи, с обаятельнейшей улыбкой, а еще успевал бы побрасывать свой угольный взгляд в вырез вашего, доктор, форменного халата. Академик у нас Ученый – лауреат, почетный член, живой классик. Два-три чужих синяка? Ерунда, не путайтесь под ногами! Впрочем, если бы здесь был Академик, то присутствовали бы и Капитан с Директором... Но тогда, вероятно, удалось бы решить дело даже скорее, кулуарно, не устраивая всей этой мерзости».

– ...зря мы вам разрешили эту мини-серию. До нее все шло вполне по графику. Я согласен со старпомом. Хватит уже бесед. Есть договор. Давайте исполнять взятые обязательства.

«Это было понятно сразу. Одному нужны сроки, другому фиксированный диапазон. И все это прописано в соглашении. Теперь, сговорившись, они его дождут». Арцимович все-таки посмотрела на Дитриха. Галстука на его шее еще не было, но неразлучная с ним до сих пор фенечка уже исчезла с запястья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.